

ИСКУССТВО МУДРОЕ, СОВЕРШЕННОЕ

НА КОНЦЕРТАХ БОРИСА ГМЫРИ

Это имя известно и дорого всем любителям музыки, и я думаю, что нет нужды особо представлять певца. Апрель одарил тбилисцев встречей с Борисом Романовичем Гмырей — наконец-то состоялось это долгожданное «очное» знакомство. Мастерство певца филигранно, а голос, который давно и хорошо знаком по записям, по сей день свеж, целен и гибок. Многие из того, что пел Гмыря, тоже известно давно и хорошо. И в том, как он пел эти хорошо знакомые произведения, нет, пожалуй, интерпретаторских революций — Гмыря верен традициям, идущим от великих русских басов прошлого. Но в этой спокойной и глубокой верности певца высоким исполнительским эталонам нет и намек на творческую инертность или консерватизм. Привычны темпы, порой даже нюансы, но Гмыря идет «вглубь», и пропущенная через сложный фильтр мастерства, вкуса и мысли музыка вдруг становится пленительно новой. Отсюда удивительное, почти парадоксальное ощущение традиционности и самобытности его творчества. Слушая, как певец поет немецкую вокальную лирику, поражаешься той зоркости слуха, ума и сердца, благодаря которой высокая духовность этой музыки сразу становится достоянием слушателя: «Путевой столб» — лишь одна песня из гениального цикла Шуберта «Зимний путь», но трагический образ героя, одиноко идущего дорогой страданий, так ярок и рельефен в исполнении Гмыри, будто были спеты все 24 песни цикла.

«В путь» певец поет по замечательному меццо-сопрану, великолепно, почти «разговорно» подавая слово, с каким-то трогательным напевом объясняя несложную, но мудрую философию песни. Исполнение двух песен Шумана — «Во сне я горько плакал» и «Я не сержусь» надо отнести к вершинам мастерства певца. Здесь мало уйти от мелодраматического надрыва — надо еще не заслужить упреков в инфантильности чувства.

Значительную часть программы Гмыря посвятил украинским и русским авторам. Из обработок Глушкова украинских народных песен яркое впечатление произвела «Думы мои, думы мои» на текст Т. Шевченко. Отлично была передана смена душевных состояний в «Сомнении» Глинки. Разве что излишне подчеркнутым показалось нисходящее портаменто с кульминационных верхних нот.

«Старый капрал» Даргомыжского в исполнении певца — развернутая музыкально-драматическая сцена. Тут я хочу отметить, что жест — то скупой, то широкий — полноправный компонент в комплексе выразительных средств, которыми пользуется певец. «Мне грустно» Гмыря поет без излишней чувствительности, умно отталкиваясь от горького и простого бессмертного лермонтовского стиха. Совершенно блистательно был спет на бис «Титулярный советник». Немногими штрихами певец дал не только два великолепных портрета — чванливой гене-

ральской дочери и задавленно-го сознанием собственного ничтожества жалкого чиновника, но и выразил протест против самоуничтожения и потери человеческого достоинства.

Сцену прощания с сыном и смерть Бориса Годунова из оперы Мусоргского «Борис Годунов» певец исполняет, беря на вооружение сценическое движение. Мне кажется, что это мало что добавляет к тому замечательному музыкальному образу, который артист создает средствами вокала. Здесь есть все: мольба смятенной совести, страх и боль отца, оставляющего своему дитяти тяжелую «шапку Мономаха», и отчаянная последняя гордыня — «Я царь еще!». Это — глубокое и полное постижение Мусоргского, замечательное «содружество» певца с композитором.

«Судьба» Рахманинова — повествование сложное, грозящее исполнителю многими «повздохными рифмами». Повесть его Гмырей радует обилием контрастных красок. Зорко прослежен центральный, сквозной образ. Зловещий рефрен — стук страшной клюки — Гмыря произносит с отяжкой, жестко выговаривая согласные, акцентируя каждый слог.

Исполнение Гмырей обидно забытых, редко звучащих «Персидских песен» Рубинштейна — пересмотр ценностей и своеобразная реабилитация этой прекрасной музыки. Особенно запомнились «Как увижу твои ножки», «Тому, кто хочет жить легко» и «Не будь сурова». Закончил концерт певец

«Бухенвальдским набатом» Мурадели, произведением, не столько неожиданным в контексте всей программы. Но в исполнении Гмыри песня была очищена от картинной, плакатной помпезности, которой грешат здесь иные певцы, и стала могучим по искренности и эмоциональному порыву, непосредственным обращением к каждому. В таком исполнении нам, безусловно, не приходилось слышать «Бухенвальдский набат».

И, наконец, о музыканте, без которого не было бы этого великолепного, высокого творчества — партию фортепьяно исполнил заслуженный артист Украинской ССР Лев Ефимович Острин. «Во сне я горько плакал», «Старый капрал», «Судьба», каватина Алеко, сцена из «Бориса Годунова» — перечень замечательных образов сотворчества певца и концертмейстера можно было бы продолжить. Остается лишь пожелать, чтобы встреча тбилисцев с Борисом Романовичем Гмырей не стала эпизодом и чтобы мы еще не раз пережили радость соприкосновения с его мудрым и совершенным искусством.

Л. ГОГЛИЧИДЗЕ.

25 АПР 1988

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ
Г. ТБИЛИСИ